

М.В. Ильин

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА:
КРИЗИС ИЛИ РАЗВИТИЕ?**

(Тезисы для обсуждения) //

Методологический семинар

**«СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА:
КРИЗИС ИЛИ РАЗВИТИЕ?»**

**Организован кафедрой политологии и политического
управления ИОН РАНХиГС совместно с РАПН и АПН
23 октября 2017 г., Москва, РАНХиГС
(Сокращенная стенограмма)**

Начну с утверждения, что развитие немислимо без кризисов, а бескризисная и межкризисная динамика крайне ограничена и по времени, и по возможностям. Собственно, такая динамика в строгом смысле развитием не является. Она лишь его сегмент, связанный с инерционным освоением потенциала, созданного прорывом из кризиса.

Мною используется лучшая, на мой взгляд, модель кризиса, которая разработана участниками так называемого Стэнфордского проекта¹. Она включает исходное положение, дисинхронизацию системы, попытки прорыва, успешный прорыв и ресинхронизацию системы. Между кризисами инерционная динамика, как правило, с

¹ См.: Окунев И.Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 136–144; Crisis, choice, and change. Historical studies of political development / G.A. Almond, S.C. Flanagan, R.J. Mundt (eds.). – Boston: Little, Brown, and Company, 1973. – 717 p.

быстрой и восходящей тенденцией, затем плато и после него нисходящая и замедляющаяся динамика, которая переходит в стагнацию, а затем кризис.

Инерционная фаза может, конечно, затягиваться, но не бесконечно. Это и является основным побуждающим мотивом постановки вопроса о будущем политической науки. Дело в том, что инерционная фаза явно затягивается. Еще в 1990-х я говорил студентам, что уже в ближайшее время они станут свидетелями и, возможно, участниками нового поворота в развитии сравнительной политологии. Главным резонансом было то, что прошло уже два десятилетия после того, как начался «плюралистический» период проработки по деталям «кризисного» момента развития рубежа 1960–1970-х годов (Стэнфордский проект – лишь одна из составляющих этого импульса). Инерционная фаза слишком затянулась. Ресурс момента развития, как мне казалось, выработан.

Причиной такой оценки было сопоставление с предыдущим формационным этапом сравнительной политологии. Он включал долгий кризис 1940-х и начала 1950-х годов, инерционную, но очень плодотворную фазу длительностью всего лишь в десятилетие. За ним новый «кризис» конца 1960-х – начала 1970-х годов. Он был коротким, «неглубоким» и в значительной мере «рукотворным». Те же самые стэнфордцы – Габриэль Алмонд прямо писал об этом в первой методологической главе книги о кризисе – сознательно проблематизировали свои достижения и тем самым взрывали собственные научные парадигмы. Однако делалось это намеренно и последовательно. Они сознательно провоцировали подобие кризиса, чтобы осуществить новый прорыв. И это им удалось.

Со времен рубежа 60–70-х годов прошло уже почти пять (!) десятилетий. И лично мне не видны ни кризисы, ни прорывы за исключением каких-то вполне локальных событий, изменений и всплесков активности. Что это означает? Столкнулись ли мы с неким родом бескризисности? Действительная ли она или мнимая? Не удалось ли избежать большого кризиса за счет множества локальных и рукотворных кризисов?

Все эти вопросы заслуживают обсуждения. Однако я предпочитаю первым делом рассмотреть худший вариант: и политическая наука в целом, и ее отдельные направления подчинены логике затянувшегося инерционного тренда, который, несмотря на частные всплески и кажущееся благополучие, все более и более по-

гружается в стагнацию, влекущую серьезнейший кризис. Его масштабы могут оказаться тем грандиознее, чем дольше затянется инерционная фаза и чем беспечнее мы будем обманывать себя призраком благополучия.

Против подобного катастрофического хода событий, к возможности которого я вызвался привлечь внимание, свидетельствует, пожалуй, всеобщее благодушие. Тревожные голоса практически не слышны. Могу назвать лишь два, но очень важных свидетельства того, что современная политическая наука игнорирует кардинальные методологические вопросы и, шире, в должной мере не занята собственной саморефлексией. Вот эти два примера.

Первый – книга Чарльза Тилли 1984 г. «Большие структуры, огромные процессы, грандиозные сравнения»¹. Она стала трезвым предупреждением на восходящей фазе подъема инерционного тренда. Все были тогда зачарованы обещаниями неонституционализма (многие продолжают клясться в верности ему и до сих пор). Мудрый Тилли писал о том, что за обещаниями и действительно появившимися возможностями должны последовать их основательнейшая проработка и выход на новые рубежи, переход к новым масштабам. Ни выхода, ни перехода не последовало.

Второй пример – это книга Рейна Таагеперы о (не)научности социальных наук², а также его выступление на конгрессе МАПН в Познани и текст в IPSR³.

Смысл позиции Тилли в том, что настало время критически переоценить восемь пагубных постулатов (Eight Pernicious Postulates) социальных наук, выработанных еще в прошлом (уже позапрошлом) веке. Путь к этому – ставить большие вопросы, учитывать большие структуры и огромные процессы, а также осуществлять грандиозные сравнения.

Грандиозность не в объемности и величине, а ровно в том, о чем пишет уже в наши дни Рейн Таагепера, – в интеллектуальной

¹ Tilly C. Big structures, large processes, huge comparisons. – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1984. – 176 p.

² Taagepera R. Making social sciences more scientific: The need for predictive models. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 232 p.

³ Taagepera R. Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // International political science review. – Beverly Hills, Calif., 2018. – Vol. 39, Iss. 1. – P. 145–159.

широте и готовности преодолеть удобные ограничения собственных привычных образов мышления.

Смысл позиции Таагеперы в том, что в погоне за призраком сциентизма коллеги сосредотачивают внимание на якобы конкретных (малых в моей терминологии) вопросах, предметах и методах (даже не методах, а техниках) и упускают жизненно важные для познания моменты и тем самым «скачут на одной ноге».

Зауживание проблематики, фактуры и методологии вполне отвечает логике специализации и «отдельных столиков» (Алмонд). Однако это ведет к тому, что мы знаем все больше и больше о все меньшем и меньшем. Оно также способствует редукции нашего мышления к примитивным схемам в духе вульгарных версий сциентизма позапрошлого века. При этом забывается, фактически игнорируется полнокровный сциентизм в духе Дарвина и Гальтона, если вспомнить двух великих родственников, а также достижения формационного этапа развития сравнительной политологии и вообще политической науки с 50-х по 70-е годы прошлого века.

Схему Таагеперы можно и нужно развить и дополнить. Пора встать на обе ноги. Или даже на три ноги фундаментальных методологий – так устойчивей, надежней и логичней, как я попытаюсь показать.

Что же нам делать?

Первое и главное – престать обманывать себя и смело взглянуть на действительность и на самих себя.

С чем мы привычно связываем кризисы и возникающие проблемы? С внешними обстоятельствами. Это, конечно, извиняет нас, заставляет усматривать проблемы в том, что нечто «не так пошло». Почему не посмотреть на самих себя, на то, как мы пользуемся своими серыми клеточками и нашим исследовательским аппаратом? Но методологические вопросы не в чести, разве что обсуждение частных методик или даже приемов. Основное внимание отводится мнимой «сути дела», предметам наших исследований. Типичный ход – рассуждения о трансформации предметной области, об изменениях политики и политического, его измерений и т.п. Это, конечно, важно, но это скорее сопутствующее или даже результаты, а главное – источник всякого рода иллюзий и ошибок. Сколько нас предупреждали о конце всего, чего угодно – государств, партий, политики, наконец. А они и ныне там. Это не государства, партии и политика исчезают. Это «исчезают», становятся

бессмысленными и неадекватными наши представления о них. Политика, какой она была два поколения назад, уже «исчезла» вместе с ошибками и просчетами наших классиков, создателей нынешней политической науки. А нынешняя, которую нам ныне пристало понять и заново переопределить, через уже одно поколение «исчезнет». Точнее, она станет другой. Точнее, она наложится и на нынешнюю политику, и на политику 50-летней давности, и на прочие слои, которые при этом будут трансформироваться и интегрироваться в процессе хронополитической конвергенции.

Можем ли мы это заметить и понять, если мы по-прежнему продолжаем мыслить в понятиях отдельно взятых сущностей и предметов – *things apart*, как писал о первом пагубном постулате Чарльз Тилли?

Усложнять свои задачи никому не выгодно, не хочется. Но ведь жизнь и «объективная», точнее, неподвластная нашим хотелкам действительность никуда не исчезает, только усложняется. Для подавляющего большинства наших коллег все за пределами их исследования и крайне узкого кругозора не существует. Единственным исключением является, пожалуй, пестрая гурьба контекстуалистов¹. Однако все они по-прежнему на периферии и все так же разобщены. За усложняющимся миром контекстуалисты видят лишь усложняющиеся контексты, да и те каждый пытаются ощущать исключительно по-своему, как мудрецы из притчи о слоне.

Действительные кризисы – это кризисы нашего собственного сознания и разума. О них как раз и нужно думать, чтобы встретить эти кризисы подготовленными и способными к конструктивным, а не невротическим реакциям.

Пока же в качестве разминки обращусь к поверхностному и выборочному рассмотрению методологического поля, как оно представлено в ходячих схемах.

Первое деление – на количественные и качественные методологические традиции. Обратите внимание – традиции, или направления, или подходы, а чаще просто «количественные (или качественные) исследования» вообще. Сами методы, методики, техники и приемы специфичны и имеют, как правило, собствен-

¹ См.: Оксфордский справочник по контекстуальному анализу: *The Oxford handbook of contextual political analysis* / R.E. Goodin, C. Tilly (eds.). – Vol. 5. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – 888 p.

ные названия. Методологий же соответствующих не существует. Мне не удалось найти даже намека на них, даже попыток их создать, хотя может статься, что плохо искал. Это само по себе очень показательно. Вероятно, действительная методологическая проблематика не артикулируется на языке оппозиции «количественные – качественные».

Дополнительная проблема в том, что выделение количественных исследований строится на очень зыбких интуициях и практиках использования цифири, а качественные выделяются по принципу – другие или просто контрастные. Здесь исходная зыбкость и условность возводится в степень – не знаю уж какую.

Мне со своими коллегами, занимающимися критической переоценкой методологий, представляется важным выйти за пределы бессмысленной и бесперспективной оппозиции качественных и количественных «склонностей» и «привычек». Нами было предложено использовать собственно методологическое членение наших когнитивных способностей (способностей души в совокупности – *Gesamte Vermögen des Gemüts* – по Канту) и связанных с ними способов научного познания на метретические (они связаны с традициями использования меры, измерений, математики и статистики прежде всего); морфические (они связаны с традициями морфологических, конфигурационных и сравнительных исследований); семиотические (они связаны с анализом и интерпретацией смыслов).

Большинство коллег сочтет подобные опыты слишком отвлеченными и оторванными от нашей повседневной практики. Не буду спорить. Вероятно, прагматический подход больше резонирует с жизненными и академическими ситуациями каждого из нас. Приходится думать о публикациях, учебных курсах, отчетах и прочих неизбежных делах. Обращусь в силу этого к привычному неоинституционализму, который напоминает о себе по множеству раз в день. По моему глубокому убеждению, институционализм и неоинституционализм ни в коем случае не методология и не группа методологий. Это в лучшем случае аморфное соединение разнородных (!) традиций за счет условно общей повестки (или повесток) дня, а также расширительных трактовок коренной предметности. При этом свой условный предмет – институты и практики – мы (все мы теперь, похоже, неоинституционалисты) принимаем за единственную реальность, а все остальное отказываемся видеть и

даже рассматривать. Когда же это становится невозможно, то свой действительный предмет начинаем трактовать как институт или институционализируемый процесс.

Получается парадоксальная ситуация, когда мы то, что функционально предназначено быть методологией или методологической рамкой для некоего даже не направления, а широкого потока исследований, определяем не по когнитивным способностям или исследовательским приемам, а по предмету – пусть даже предельно широко и гибко понимаемому. Давайте же посмотрим, не **что** в фокусе внимания наиболее успешных неоинституционалистов типа Дж. Марча, Й. Олсона, Дж. Цебелиса, Ч. Рэгина, А. Лейпхарта, Д. Берг-Шлоссера, М. Гриндл, Б. Вайнгаста, П. Норрис, С. Стейнмо, П. Пирсона, П. Эванса, К. Телен, В. Патцельта и др., а **как** они добывают новое знание. Едва ли не главные их интеллектуальные средства связаны со сравнительными исследованиями, особенно с конфигуративным анализом и моделированием, т.е. в основном с морфологическими методами, даже если они так ими и не называются. Вывод заключается в том, чтобы рационализировать опыт наиболее содержательных достижений, созданных в русле неоинституциональных традиций. Причем рационализировать не представление достигнутых результатов, а способы их получения. При таком подходе легко выясняется, что соответствующие исследователи критериями и сравнения, и моделирования делают гомоморфизм, изоморфизм и гетероморфизм изучаемых *институтов*, что бы они ни понимали под этими терминами. А терминами подобного рода неоинституционалисты по большей части, увы, не пользуются, чем напоминают Журдена, с удивлением обнаружившего на старости лет, что он говорит прозой.

Анализ наиболее продуктивного опыта неоинституционалистов показывает, что в трактовке институтов обнаруживается множество труднопреодолимых расхождений, а сходства проявляются в фактическом использовании морфологических техник от простых аналогий (это не в счет – их полно повсюду) до изощренных гомеологий, выявления парадигмальных вариаций и прототипов изучаемых явлений.

Напрашивается вывод. Если даже наиболее пессимистическая трактовка динамики политической науки окажется справедливой, то мы встретим разразившийся кризис отнюдь не наивными и неподготовленными простаками. У нас в запасе есть немало ценных идей того же Тилли с Таагеперой, увы, еще не подхвачен-

ных и непроработанных. Есть немало и методологических находок, представленных пока как отдельные частные изобретения даже самими их авторами, а тем более их последователями, пытающимися эпигонски воспроизвести их технические ухищрения, а не выявить общезначимый метод. Однако сделать и одно (откликнуться на призыв Тилли и Таагеперы) и другое (пойти путем выявления методологической логики мозаики приемов и техник политического анализа) не столь уж и трудно. Заделы существенные и значимые. Нужно только систематически и совместно работать. Это наше общее дело. От него зависит и будущее – наше и наших учеников.

* * *

Шабров Олег Фёдорович, доктор политических наук, профессор, зав.кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС. Семинар посвящен современной политической науке, ее состоянию и перспективам развития. С докладом выступит доктор политических наук, ординарный профессор Высшей школы экономики Михаил Васильевич Ильин.

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ. Дорогие друзья, начну с замечания по поводу названия нашего семинара «Кризис или развитие?». Не случайно в названии стоит знак вопроса. Может ли кризис быть без развития, а развитие – без кризиса? Конечно, отождествлять эти явления нельзя. Прекрасно понимаю организаторов семинара, которые поставили знак вопроса, потому что логические отношения между кризисом и развитием очень сложные. Об этих логических отношениях я и хотел бы сегодня поговорить.

Принято считать, что наука попадает в кризисные ситуации, как только меняются и уточняются параметры ее предметной области. Почему мы обращаем внимание на предметную область? За этим интуиция – когда мы ощущаем, что что-то не в порядке, стремимся разобраться с предметом. Это естественно. Однако когда мы интуитивно стараемся разобраться с предметом, туда ли мы направляем свой взгляд? Нам кажется, что что-то неладно с предметом, а может быть, дело еще в чем-то? Рискну высказать следующее предположение. Очень часто нам кажется, что изменился

предмет, – а изменились мы сами. Предмет конечно же меняется, но он меняется вместе с нами как с участниками политических процессов и с их исследователями. Поэтому я предлагаю посмотреть на развитие политической науки с другой стороны – наших методов и практики исследований.

Что такое кризис? Это греческое слово: как и слова *критика* и *критерий*, оно связано с индоевропейским корнем **krey*, который означает «расщепление». Произошло расщепление, появились альтернативы, а с ними и кризис. Конечно, альтернативы есть всегда, но в условиях кризиса они выходят наружу, вырываются из-под контроля.

Как преодолеть кризис? Установить контроль над альтернативами. Представьте, что мы заранее подумали о том, какие альтернативы и какой кризис может случиться, тогда сделали бы «прививку» против кризиса и смогли двинуться дальше.

Хочу высказать еще одно соображение. Не надо тешить себя иллюзией, будто существует какая-то объективная структура знаний, заданная раз и навсегда, – нет такой структуры знаний. Эту структуру знания мы создаем сами, исходя из собственных задач, стремлений, удобства, как построить нашу работу. С точки зрения нашей темы кризиса это важно. В условиях кризиса нам следует общую структуру нашего знания переосмыслить заново.

Нередко говорят, что нужны новые парадигмальные подходы. Я бы все-таки говорил о традициях. Мы слишком легко употребляем слово *парадигмальная*. Нам кажется понятным, что если есть подход и сформировалась соответствующая традиция, если есть традиция, то можно говорить о парадигме. Здесь мы идем прежде всего за тезисом Куна о смене парадигм. Однако Кун употребляет слово *парадигма* не строго, а приблизительно, метафорически, чтобы описать качественный скачок от одной структуры знания к другой. Что такое парадигма в строгом смысле? Исходно внутренняя форма этого греческого слова раскрывает процесс и результат череды демонстраций. Отсюда такие значения, как модель, пример, довод и набор взаимосвязанных форм, например форм слов. Это последнее значение, по сути, самое точное. Мы вполне можем сказать, что парадигма – это вариации одного явления, например, слова, которые сведены в определенную систему. Возьмем парадигму глагольного склонения слова *быть* – *буду*, *был* и так далее. Мы знаем, что есть глагол *быть*, у него есть парадигма, он может

измениться десятками способов, а эти способы объединены логически единой системой.

Можем ли мы с чистой совестью сказать, что под названием *институционализм* объединены все возможные варианты изучения институтов и что мы понимаем их взаимную дополнительность и логику перехода от одного способа к другому? Нет, не можем. Может ли круг людей, собравшихся и занимающихся анализом дискурсов, сказать, что у них есть парадигма? Нет, в строгом смысле целостной парадигмы у них нет. Они занимаются разными делами, но при этом делают вид, что они в одной лодке. Действительно, они в одной лодке, на одних конференциях, но логика совершенно разная. Говорят, что занимаются анализом политического дискурса, но это самообман. Анализа там от силы 15–20%, остальное – интерпретация. Так и надо говорить: интерпретация и анализ политического дискурса.

Подобная аморфность и неопределенность положения как раз и заставляют меня предположить, что происходит долгая, затянувшаяся стагнация, которая может означать, что кризис перед нами. Альтернатив все больше и больше, и это может взорваться в виде кризиса. Впрочем, утверждать это со стопроцентной уверенностью я не готов. Есть и другие варианты – это не стагнация, а некий контролируемый ход. Может быть, стагнация не во всей политической науке: у одного крыла назревает кризис, у другого все под контролем, а середина – ни то ни се.

Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, председатель Правления РАПН, вице-президент РАПН, заместитель зав.кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС. В связи с альтернативами, которые под контролем, Михаил Васильевич, кто этот демиург, у кого альтернатива под контролем? Это мировое сообщество ученых? Это официально назначенные люди, типа нашей Академии наук? Каким образом определяется контроль над альтернативами? Кто разрешает быть или не быть альтернативе в науке?

Ильин М.В. Все мы и каждый. Все мы контролируем. Дорогие друзья, нашим делом каждый из нас может заниматься по-разному. Например, спонтанно, безотчетно, руководствуясь интуициями. Допустим, мне нужно прочитать лекцию здесь, нужно прочитать лекцию там, написать статью... ярываюсь, главное, к крайнему сроку успеть, и мне уже не до контроля – я думаю, как

бы мне слово со словом связать. Что происходит? Утрачивается контроль. Но я могу остановиться, обсудить текст с коллегами, дать ему отлежаться, снова переделать. Вот я и поставил себя и свой труд под контроль. Если мы все будем себя контролировать, общий градус контроля будет выше. То же коллективно сделает кафедра, контроль еще повысится.

Борщевский Георгий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики РАНХиГС. У меня родился такой вопрос. В ваших тезисах утверждается, что методологический кризис наблюдается в политической науке уже довольно долгое время, с 1970-х годов, т.е. уже с полвека. Последний подъем пришелся на 1950-е и первую половину 1960-х годов, до того был предыдущий кризис. Я историк, поэтому первое объяснение, которое мне пришло в голову, такое. Именно на 1950-е и начало 1960-х годов приходится пик политического противостояния мировых систем, существовавших в XX веке, – мировой социалистической и международной капиталистической систем. В 1970–1980-е годы это противостояние утратило остроту. Многие на Западе уже не так боялись противника по ту сторону железного занавеса. Пик противостояния сформировал запрос со стороны элит к экспертному сообществу на изучение соответствующих процессов для решения прикладных задач политической, экономической и военной борьбы. И вот родились те мощные концептуальные идеи, о которых мы сегодня говорим. Вопрос к вам: видите ли вы некоторую связь между этими двумя явлениями? Есть она или нет? Если вдруг она есть, то видите ли вы предпосылки для актуализации подобного противостояния систем в будущем? И возможно ли, что с этим будет связан новый концептуальный подъем в политической науке?

Ильин М.В. Огромное спасибо за прекрасный вопрос. С вашим анализом я во многом согласен. Однако, соглашаясь, я сделал бы важное уточнение. Действительно после Второй мировой войны в мире и в нашем сознании происходит очень много разных изменений. Отчасти меняется мир, отчасти мы меняемся, отчасти создаем новые интеллектуальные инструменты. Что происходит в мозгах у гуманитариев и представителей социальных наук, обществоведов? Они уже через поколение, даже чуть-чуть позже, начинают воспринимать те сдвиги, которые произошли в науке, теорию относительности и прочее, как нечто, что является

не абстрактным знанием, а имеет какое-то отношение к нам. Вторая реакция – это та, о которой вы говорите. Не столько мир изменился, сколько мы изменяем мир. Что-то произошло с нашими душами и мозгами после завершения Второй мировой войны, что радикально меняет мир. Атомные бомбы и так далее. Не мир создал атомные бомбы, а мы их создали. Мы создали атомную бомбу, и всё сразу видим по-другому.

Я бы немножко расширил наш взгляд, темпоральную ретроспективу. Перемены началось с Первой мировой войной, и даже чуть-чуть раньше. Это большой системный кризис, который я называю эволюционной ловушкой. И здесь опять нужно расширить темпоральную ретроспективу вплоть до начала модернизации. Она началась, казалось, неспешно. Поначалу никто не сознавал, что происходит. Кант первый увидел принцип современного мышления – критика и антиномии. Потом после Французской, а фактически европейской и даже мировой революции, развитие осознается и ускоряется. Появляется идея прогресса. Людям кажется, что так динамично и без заметных сбоев все и дальше будет развиваться. Однако к исходу XIX века, к рубежу столетий этот потенциал был исчерпан. Что-то случилось с миром. Он «свернулся», изменилась его геометрия. Плоские пространства, в которых мир был организован прежде, сложились в сферические. Мир стал другим, люди сами сделали его другим, но понять этого не смогли. Они сотворили сферический мир, а институциональных и интеллектуальных ресурсов и средств для управления им не создали. Вот и возникала эволюционная ловушка. Мировые войны, тоталитаризм и все прочие бедствия – это только проявления большого кризиса. Это результаты попадания в эволюционную ловушку, большая дисфункция всего процесса модернизации.

Кризис провала в эволюционную ловушку тянется до середины 70–80-х годов. Глобализация впервые обещает шанс выскочить с переходом к конвергенции и поддерживаемому развитию. Однако на деле мы до сих пор не выскочили из ловушки. Начали выскакивать, а потом опять просели, потому что мы на выходе из этого кризиса находимся уже несколько десятилетий. Может быть, это одно из объяснений, почему у нас такой стагнирующий темп.

Что вызвало подъем политической науки? Думаю, что не прямая реакция на злобу дня сего. Если бы наши учителя подчинялись этой логике реакции на прагматические вызовы, то их уси-

лия свелись бы к обсуждению атомной бомбы, соперничества сверхдержав, выборов, забастовок, других проявлений классовой борьбы или политических интриг отдельных политиков. Была бы зловонная суэта, а заметного подъема политической науки не произошло бы. Наиболее дальновидные решили: если мы будем заниматься этой текучкой, тем, что мельтешит перед глазами и блещит, мы ничего не поймем. Нам нужны более широкие масштабы, чтобы за деревьями увидеть лес. И они вышли на новый уровень, занялись, например, изучением формирования государств и наций.

Если мы хотим разобраться с этой эволюционной паузой и с той структурой после Второй мировой войны, о которой говорил Георгий Александрович, нужно расширить интеллектуальные горизонты. Можно сделать интеллектуальную уловку и изменить предмет, сфокусировать внимание на практиках подотчетности. Можно просто расширить временной диапазон и посмотреть на эволюционную паузу с точки зрения прогресса предыдущей фазы развития, как это я попытался сделать. Более того, если мы будем смотреть только с точки зрения прогресса, мы увидим всего лишь контраст, а если мы кроме прогресса возьмем то, из-за чего прогресс возник, у нас получится куда основательнее.

Михеев Валентин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС. Сегодня довольно часто мы слышим и читаем в рамках того предметного поля, о котором вы говорили, что есть решения научные и есть решения политические. Всего два-три дня назад мы услышали, что решение экспертного совета – научное, а решение ВАК – политическое. Примерно такое же разногласие и относительно гражданских институтов, прочих предметов нашего изучения. Какие методологические подходы и теоретические доводы могли бы внести ясность в определение сути и содержания научного и политического?

Ильин М.В. Давайте попробуем найти что-нибудь похожее, но не отягощенное политической остротой. Я приведу пример: в эту пятницу мне предстоит одна медицинская манипуляция. Что будет делать мой доктор? Он будет делать руками конкретное дело. Для того чтобы он сделал это дело, он должен обладать медицинскими знаниями и умениями. Связаны эти знания с биологией человека? Конечно. Есть целые институты, которые занимаются изучением биологии человека, целиком и по частям. Должен этот

врач систематически заниматься биологией человека, чтобы провести медицинскую процедуру? Не должен. Ему достаточно просто быть в курсе того, что сделали те, кто занимается биологией человека. А им, в свою очередь, нужно знать достижения общей биологии, генетики? Конечно. Значит, должен быть институт в Академии наук или кафедра университета, где сидят люди и занимаются общей биологией. Вот и линейка выстроена, где есть разные специалисты, профессионалы в своей области, которые друг с другом взаимодействуют и друг друга обогащают. Общий биолог занимается природой жизни, обменом веществ. Он транслирует свои достижения через коллег с уровня на уровень, даже через каких-то практиков, не только врачей, но еще агрономов, животноводов. Тот, кто занимается общей биологией, должен всю эту череду видеть. Но должен ли тот, кто занимается общей биологией, забыть о своем деле и сказать: а сейчас я пойду в свинарник и буду изучать, что там происходит, и для себя что-то открою. Это абсурд. Не нужно ему этого. От свинарника нужно держаться подальше. А что же нужно? Чтобы у нас между наукой и политикой была какая-то разумная связь. Нам нужны посредники, которые позволят осуществлять эту связь. Сейчас одни варятся в своем соку высоких обобщений, а другие варятся в своем соку практических манипуляций, а между ними нет ничего. Точнее – появляются какие-то авантюристы. А там должны быть не авантюристы, а специалисты. Это мы должны их воспитывать. Мы должны делать такие курсы, чтобы наши студенты не только нас продолжали – это самое простое и легкое, – а чтобы они стали такими посредниками. Чтоб всё пространство от нашей политической науки до политики было заполнено профессионалами. Если оно будет заполнено, нам не нужно туда лезть, а политикам не нужно обращаться к нам и говорить: ты, теоретик в политике, скажи мне, какой лозунг выдвинуть на выборах? Про лозунг ты спроси нашего выпускника, который этим занимается, про то, как организовать кампанию, спроси у другого, а как спланировать политическую линию, спроси третьего. Каждый должен заниматься своим делом, а если мы будем заниматься всеми делами, все будем делать плохо.

Ирхин Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС. Я бы вначале процитировал Олега Федоровича (Шаброва), он любит говорить, что «политическая наука – дисциплина

хотя и гуманитарная, но точная». С этого эпитафия нужно начинать говорить о структуре знания. Любая наука, в том числе и политическая, основывается на философской методологии. Далее, это гуманитарная наука, а значит, она находится в комплексе гуманитарных и социально-экономических наук и общих методологических подходов, которые связаны.

Методология политической науки во многом вторична. Политическая наука не может «выскочить» из этого окружения. Политолог должен знать примерно 15–20 основных подходов, несколько основных парадигм, 100 теорий, много прикладных методик. Нужно еще учитывать единые методологические основания по разным дисциплинам.

Есть ли кризис у нас, или нет? В 2008 г. произошел мировой экономический кризис. В начале следующего года Елизавета II приехала в Лондонскую школу экономики и, обращаясь к участникам круглого стола, спросила: «Джентльмены, как вы это допустили, владея самой развитой в мире экономической наукой? Что произошло? Объясните. И что будете делать?» Ответ ученых заключался в том, что экономисты увлеклись математическими выкладками, прикладными исследованиями и забыли о логике экономической науки и общественного развития. Кроме того, в последние 20 лет наблюдается явление, которое называется экономическим империализмом, когда экономисты пытаются «подгрести» под себя все другие науки – математику, лингвистику и даже политологию. Возникла так называемая новая экономическая наука – это традиционная экономическая наука, в которой рассматривается процесс принятия политических решений и как эти решения влияют на экономику. Чистейшей воды политология.

Почему я привел этот пример? Потому что все дело, как сказал Михаил Васильевич, в оптике. В том, как вы будете строить вашу программу политического исследования, как вы будете на нее смотреть, какие подложите парадигмы, теории. Что вы возьмете из той науки или из другой. И что будет на выходе. Примерно такая сложная конструкция.

В нашей дискуссии прозвучала очевидная вещь, что общество проходит в своем развитии ряд этапов. Политическая наука, вкупе со всеми остальными другими науками, осуществляет функцию рефлексии на эти изменения, и рано или поздно формулирует новые теории и концепции, предлагает новые решения, успех ко-

торых необязательно очевиден, потому что реализуют эти решения политики.

Главная проблема человеческого общества в том, что оно обычно всегда знает больше, владеет очень многими теоретическими моделями, концепциями и т.д. Оно уже знает, как это сделать, но сделать еще, в силу целого ряда причин, не может. Практический опыт отстает от нашего знания. Сейчас мы вступили в очередной этап развития. Нужно искать какие-то новые объяснительные модели.

В разных частях мира (а лучше сказать, в различных цивилизациях) политическая наука развивается немножко по-разному, с разными акцентами. Развиваются школы, не только национальные, но даже цивилизационные. Можно вполне говорить об англосаксонской школе. Можно говорить о континентальной европейской – уже будут какие-то особенности.

То, что происходит в политической науке, я бы не называл глубоким кризисом. Может быть, это некая перестройка, «уточнение» политической науки. Многие старые концепты и термины (например, государство) понимаются уже в новых условиях по-разному. Нам нужно очень многое сейчас переосмыслить. Появилось очень много явлений, для которых нужны либо новые понятия, либо новый смысл в старых понятиях. Еще вчера говорили: «Электронное правительство, электронная демократия, электронный бизнес». Сейчас мы уже говорим: «Цифровой след, цифры в электронном правительстве». Поэтому мне кажется, что политическая наука выходит на новые решения новых задач. В этом отношении я смотрю с определенной надеждой на нашу российскую политическую науку.

Комаровский Владимир Савельевич, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, доктор философских наук, заслуженный деятель науки России. Основной вопрос, который был поставлен в докладе, что делать? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, с чем мы имеем дело. Я согласен с тем, что политическая наука переживает кризис, но чем он вызван? Нам нужно понять характер проблем самой нашей науки, сдвиги в научной картине мира в целом и осмыслить кризис реальности, с которой мы имеем дело.

Мы попали в какую-то очень неопределенную ситуацию межсезонья, смены вех. Что мы, политологи, в этой ситуации мо-

жем сделать? Какие проблемы необходимо решить прежде всего в области методологии политической науки? Мне кажется, важно получить ясный ответ на вопрос, насколько обоснованы претензии политической науки на универсальность. Может ли теория быть универсальной? Или все-таки цивилизационные особенности играют бо́льшую роль, нежели те, которые связаны с общими ответами на вызовы современной эпохи?

Если, по крайней мере сейчас, ничего универсального мы предложить не можем (хотя стараться нужно, это понятно), значит, вопрос следующий: а может ли политическая наука не быть мультипарадигмальной? Наверное, тоже нет. По крайней мере, в ближайшей перспективе это совершенно не очевидно.

Теперь очень короткие замечания по двум вопросам. Первое – предмет политической науки. Конечно, он меняется, безусловно, меняется не только потому, что меняются наши очки, но меняется и сама реальность. Причем эти очки связаны не только с нашей субъективностью, а с доступностью для нас какого-то рода знаний. Для студентов я привожу пример: конечно, в момент зарождения политической науки ни Аристотель, ни Платон не могли видеть мир как таковой – они видели город. Рим – это империя, значит, появились новые очки, потому что появилась новая реальность и потребность в новых очках. Вот эта связка – она очень интересна.

Последний важный вопрос: кто контролирует развитие науки? В науке тоже действуют законы общественного мнения. Кто решает, ты признан или нет,ходишь в мейнстрим или нет? Фактически некоторые из тех, кто достоин не просто войти в мейнстрим, а возглавить его, остаются пока внизу. Это тоже говорит об уровне достижений науки.

Мчедлова Марина Мирановна, доктор политических наук, доцент, зав.кафедрой сравнительной политологии РУДН, член правления РАПН. Надо иметь большое мужество сегодня, чтобы говорить о законах приращения знания. Уже многие отметили, что наиболее востребованными становятся такие прикладные, как их называют, или функциональные темы, которые не позволяют поставить эпистемологические и реалистические вопросы применительно к современному гуманитарному знанию.

Я согласна с Владимиром Савельевичем в том, что кризис можно рассматривать в различных гранях и контекстах, из совокупности которых и возникает та проблема, которую мы сегодня

пытаемся решить. Это проблема не только политической науки, но вообще гуманитарного знания как такового. Это не новая проблема. В 2003 г. И. Валлерстайн написал книгу «Конец знакомого мира». В ней он показывает, что знание, которое очень долго выполняло свои функции в человеческом обществе, сегодня перестает их выполнять. Когда он писал о контурах знакомого мира, которые становятся все более зыбкими, он имел в виду скорее не социально-политическую реальность, а способы рефлексии. И сегодня, мне кажется, кризис проявляется именно в том, что способы рефлексии (может быть, в каком-то контексте это и те самые очки), которые все еще традиционны в своем основании, не улавливают изменения современного мира.

Я не готова полностью согласиться с М.В. Ильиным в том, что нет объективной структуры гуманитарного знания. Если мы посмотрим на способы приращения знания и на самые глубинные основания, связанные, например, с критериями истинности, то мы увидим, наверное, какие-то общие черты. Конечно, затем это диверсифицируется, однако общие черты, общая логика построения гуманитарного знания, которую мы можем применить к любому гуманитарному знанию, существуют. И в одну эту логику зашиты те самые универсалии, которые складывают в единый семантический узел еще многие проблемы – такие как пространство, время, истина, ложь, Бог.

И вот именно эти универсалии, которые вроде бы должны быть незыблемы и с точки зрения философского знания, и с точки зрения логики, начинают демонстрировать размывание референтов и референций, более того – наверное, возникновение новых и референциальных значений, и референтов.

Если мы спустимся на уровень политической науки, то те политические универсалии, которые связывали все социально-политические несущие конструкции и политический нарратив – нет, даже метанарратив, к которому относятся власть, государство, демократия, прогресс, рациональность и прочее, – сегодня точно так же не перестают быть одинаково понимаемыми не только вследствие изменения референта, но и вследствие размывания смысла универсалий как таковых. Происходит не только размывание понятий.

Почему именно эти универсалии перестают выполнять сегодня свою функцию? Во-первых, мы не успеваем за постоянным изменением мира, не успеваем концептуализировать эти феномены.

Во-вторых, гуманитарное знание по своей сути – это не только удвоение реальности, это даже утроение реальности. И соответственно, там происходят процессы, которые не позволяют этим универсалиям «переквалифицироваться».

В-третьих, Михаил Васильевич говорил о том, что изменения знания, изменения концептуальных подходов связаны с большими социально-политическими потрясениями, с одной стороны. С другой стороны, связаны с достижениями в других дисциплинах. Это, конечно, так. Сегодня большие социально-политические, экономические и другие изменения происходят настолько быстро, что мы не успеваем за ними.

Однако универсализм и фокус на прогрессе – это было канвой и основной гуманитарного знания на протяжении очень длительного времени. И мне кажется, что прогрессистское видение, порожденное эпохой Просвещения, еще не ушло. Оно, наверное, находится в состоянии конкуренции с иными картинами, в том числе и политической рефлексии. И мы видим столкновение теории и, наверное, идеологии или дискурса, который выстраивается вокруг определенной теории, в том числе вокруг прогрессистского мировидения.

И не случайно прогрессизм, который был в основе и философского, и политического знания, а затем выстраивал не только картины мировидения, но и вообще публичную политику, сегодня столкнулся с фрагментацией и принципиальной гетерогенностью мира.

Это показывает, с одной стороны, что гуманитарное знание и политическая наука имеют внутри себя потенциал фальсификации, т.е. они могут дальше развиваться. Но, с другой стороны, мы встречаем эпистемологические трудности, когда старые универсалии с принципиальной гетерогенностью мира не состыкуются.

Я хочу привести один маленький частный пример. Мне кажется, что этот потенциал к дальнейшему изменению гуманитарного знания, этот внутренний потенциал к переделке был замечен еще в конце XIX – начале XX в., когда уже в условиях абсолютного доминирования прогресса и универсализма возникали теории, которые начинали противоречить в том гносеологическом контексте. Например, теория локальных цивилизаций, которая говорила о прерывности мира и о том, что прогресс не задан.

Мне кажется, что поиск новых конфигураций политического знания и вообще гуманитарного знания как такового, concentra-

ция на гуманитарной эпистемологии и на способах приращения гуманитарного знания – это благодатное поле, которое может быть толчком для развития и более прикладных политологических дисциплин.

Тимофеева Л.Н. Я хочу откликнуться на то, что говорил Михаил Васильевич (Ильин).

Во-первых, меняется практика – меняется словарь. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка, который появился в начале 2000-х годов, толкует «альтернативу» не только как «возможность выбора, основанную на альтернативе», но и как «несовпадающее с общепринятым, официальным, непохожее на прежнее». И в качестве примера приводятся выражения: «альтернативная медицина» – медицина, основанная на немедикаментозном лечении; «альтернативная служба» – гражданская служба, разрешенная законом вместо обязательной военной; «альтернативная энергетика» – использующая природные ресурсы и технологии без вреда для окружающей среды, экологически чистая и т.д. Иными словами, речь идет о новых практиках, направлениях в науке, изобретениях человека, увеличивающих для него пространство выбора, лечения, возможности жить в чистой экологической среде.

В связи с этим важно уточнить, что такое кризис. В китайском языке его обозначают два иероглифа: «проблема» и «новые возможности», т.е. альтернативы, варианты, которые позволяют решать эти проблемы.

Действительно, меняется практика и отсюда постоянно меняется и предметное поле политической науки. Усложняется практика, усложняется и предметное поле политической науки. Например, у политической коммуникативистики как одной из составляющих предметного поля политологии сегодня насчитывается до десятка субпредметных полей: политическая лингвистика, политическая семиотика, политическая дискурсология... В политической конфликтологии тоже происходит деление предметных полей на этнополитическую, политико-административную, региональную конфликтологию, городскую конфликтологию и т.д. Вопрос: до каких пределов может происходить атомизация предметного поля политической науки? Наверное, до тех пор, пока будет меняться наша политическая практика.

Второй момент, связанный с изменением фокуса зрения. Это не новое явление – во второй четверти XX в. появляется философия

конструктивного альтернативизма Джорджа Келли, который утверждал, что на объективную реальность необязательно смотреть с одной точки зрения, можно посмотреть с разных, и люди способны изменять свою интерпретацию событий, создавая индивидуальные модели реальности, имеющие эвристическую ценность. Мы имеем классическую, неклассическую, постнеклассическую науку, разные методы исследования, разное отношение к пространству и представлению о пространстве.

Совсем недавно Шанталь Муфф, известная бельгийская исследовательница, предложила диссенсуальную модель политического взаимодействия. К чему мы привыкли на практике? Мы привыкли к консенсусу. Консенсусная демократия, консенсус в парламентских дебатах, консенсус как способ вообще движения вперед. А она предложила диссенсуальную модель, суть которой заключается в том, что не всегда консенсус является лучшим выходом из политического противостояния. Бывают случаи, когда консенсус невозможен из-за принципиального различия политических парадигм, более того, консенсус даже вреден, поскольку в случае достижения такового результатом станет исключение и подавление альтернативных мнений. Поэтому вместо поиска заведомо мнимого и устраняющего различия консенсуса модель предполагает признание различий и обсуждение возможных границ последних.

И сегодня закономерно, что консенсуальная модель, которая в последние десятилетия становится объектом самой разнообразной критики, оспаривается диссенсуальной политической практикой – и Брексит, и другие явления в Испании и в Италии, которые мы наблюдаем, являются как раз примером того. Есть другой взгляд на существование всех этих политических явлений.

Третий момент, на который я хотела бы обратить внимание. Исследователи альтернативных подходов и методов в социальной и политической науке из Кембриджского университета недавно выпустили книгу «Подходы и методологии в современных социальных науках: плюралистическая перспектива». Там они развивают мысль о том, что интеллектуальный плюрализм может обогатить опыт исследований, поощрить нас учиться дальше, заимствовать друг у друга различные подходы и методы исследования. Социальные науки не должны становиться узниками некоей ортодоксии,

а должны постоянно обогащаться путем изучения других дисциплин, других разработок.

Но это не означает, что все годится, что исследователи могут смешивать и сочетать идеи, подходы, теории и методы, как им вздумается. И вот тут возникает вопрос о контроле. Где предел альтернативности? Политологи признают, что мы утратили некую иллюзию создания единой идеальной теории, которая способна все объяснить и указать политикам, как жить, как действовать и какие правильные политические решения принимать. Тем не менее строгость необходима. Что это должно быть? Может быть, некая новая наукометрия, которая позволяет вырабатывать критерии научности, практичности, применимости, дальнейшего развития, с тем чтобы был и диссенсуальный подход, позволяющий не отмечать гениальные, интересные догадки, которые пока считаются глупостью, не входят в мегатренд представлений о том, как должна развиваться наука.

Я думаю, что стоит поставить вопрос о новом направлении, связанном с критериальностью, наукометрией – я не знаю, как это назвать. Это направление, вероятно, необходимо для того, чтобы понять, насколько разные концепции и инструменты познания «работают» в научном и в практическом смысле.

Камышанов Виктор Иванович, президент Федерации мира и согласия, по совместительству доцент кафедры политологии и политического управления РАНХиГС. Те вопросы, о которых мы говорим, – что такое кризис в современном политическом мышлении и как он проявляется, – очень важны. Я хотел бы обратить внимание на то, что мы все время апеллируем к новой политической реальности, которая представляет собой Китай. Это совершенно новое явление в современном политическом процессе. Китайцы имеют свой собственный подход, который требует нашего осознания. Все наши вопросы рассматриваем через призму европейской цивилизационной составляющей, а Китай – это совершенно другое явление.

Интересно, например, каким образом они продвигают свои идеи, готовят их заранее. Это вопрос о соотношении научного процесса и принятия политического решения. Мне кажется, методика, которую используют наши китайские коллеги, должна заставить нас задуматься над этим вопросом.

Они сформулировали политическую концепцию, «Великий шёлковый путь». Она постоянно насыщается определенными решениями. Все новые идеи сначала отправляют на общественную оценку и многие из них проводят через научные дискуссии. В этот процесс дают возможность включаться более широкому кругу участников, для того чтобы понять, какое из этих решений в данный момент наиболее эффективно, а какое следует придержать и начинать его развитие на последнем этапе. То есть в этой системе проявляется обратная связь, воздействие на процесс политического решения.

Однако специфика китайского подхода в том, что они постоянно проверяют, в какой именно элемент принятия окончательного политического решения позволяет встроить все это в обратную связь. И это, с моей точки зрения, является одним из наиболее важных преимуществ. Мы видим, что каждый раз они адаптируют свою систему к конкретным требованиям.

Очень важно, с моей точки зрения, найти какие-то механизмы и методики взаимодействия нашей российской практической науки с китайским взглядом на политические процессы в современном мире. Потому что сегодня не англосаксонская политическая наука, которая по своей логике нам более-менее понятна, а именно китайский подход к политическим процессам будет полезен для того, чтобы понять: живем мы в условиях кризиса или просто в условиях паузы, которая даст совершенно новое измерение в современном мире.

Слизовский Дмитрий Егорович, доктор исторических наук, профессор, профессор Российского университета дружбы народов. В выступлении Михаила Васильевича (Ильина) мне понравилась идея обращения к нашему мыслительному аппарату. Именно мысль на сегодняшний день, как мне думается, является и должна стать объектом внимания политической науки. Традиционно политическая наука занимается государством, обществом в разных вариантах, политическими партиями, лидерством.

Я думаю, если мы поставим вопрос и склонимся к тому, что мысль является инструментом, с помощью которого у политической науки есть возможность соединиться с другими дисциплинами, повлиять на мысль и сформировать ее.

Мне кажется, что язык, которым пользуется сегодня политическая наука, не способствует взаимопониманию. Мы говорим все

на русском языке, – посмотрите, какие внутренние конфликты существуют между нами, носителями языка. Однако, разговаривая, допустим, на русском и английском языках, можно, при определенных условиях, найти консенсус и согласие. И основанием для такого консенсуса и согласия может быть тип культуры, мировоззренческая парадигма.

Передовые страны сконцентрировали свое внимание на образовании, молодежь является сферой приложения внимания со стороны политиков, и политология подталкивает их к тому, чтобы был набор неких программ, влияющих на формирование сознания и мыслей молодежи.

Для того чтобы сделать прорыв в политической науке, нам стоит подумать, найдем ли мы свое место в инструментарии формирования видения сегодняшней жизни. И здесь образовательные программы могли бы нам помочь. В этом направлении можно было бы сформировать целый пул научно-исследовательских работ, которые могли бы продуцироваться либо индуцироваться, либо администрироваться со стороны политологического сообщества.

Шабров О.Ф. Есть вопросы, которые я бы хотел обозначить в связи с темой представленного Михаилом Васильевичем доклада.

Прежде всего, является ли развитие противоположностью кризису? Михаил Васильевич где-то даже обращается к понятию катастрофы, рядом положены понятия – катастрофа и кризис. В теории катастроф Арнольда катастрофа есть скачкообразное изменение. В этом смысле рождение человека и смерть человека – и то и другое – катастрофы. Что касается кризиса, то это расщепление. Но в теории самоорганизации это расщепление трактуется как точка бифуркации, расщепление, которое возможно как результат нарушения однозначной причинно-следственной связи, трактуется как переход системы в одно из возможных устойчивых состояний.

Так вот, в порядке иллюстрации приведу пример из медицины. Наступает кризис у пациента. Есть два возможных исхода: либо он умрет, либо он выживет. Вот что есть кризис. На самом деле не только в медицине, когда мы говорим о кризисе, возможны какие-то третьи, четвертые состояния, в которые перейдет система после бифуркации. В этом смысле кризис я бы не стал противо-

поставлять развитию. На мой взгляд, дихотомия здесь – либо развитие, либо деградация.

Это короткое вступление понадобилось для того, чтобы обозначить, на мой взгляд, все-таки определенные признаки деградации. Нас, политологов, давно упрекают: «У вас нет собственных методов. У вас просто есть объект, вы его изучаете». Проблема в том, что предметное поле политической науки не просто размывается, оно меняется. Сложно в настоящее время обозначить предмет и объект политологии. Сложно и с определением собственных методов политологии.

Любая наука проверяется на свою объективность и значимость достоверностью прогнозирования. В политической науке также существуют проблемы с прогнозированием. Кто, например, ожидал, прогнозировал, что на выборах президента США победит Трамп?

Кроме того, есть некоторые ловушки, в которые попадает политическая наука. Это связано с влиянием ценностей на процесс политологического познания. Ценности могут быть разные.

Можно выделить два критерия, которые отличают науку от других форм отражения, их уже давно сформулировал академик Вернадский. Это единство и неопровержимость. С точки зрения первого критерия: у меня одни ценности, у вас другие. У нас одни понятия, но есть и другие. Научным фактом в истории является не только событие, но и его интерпретация.

Интерпретация – значимый фактор. Сколько этих интерпретаций? Как судить, какая истинна, какая нет? Как быть с научным установлением факта? Возникает вопрос: наука ли, например, история? Такой же вопрос возникает в отношении политологии, если мы оцениваем достоверность и истинность фактора не на основании национально-государственных интересов, а в соответствии с научными ценностями. Вернадский разделял на этом основании идеологию и науку. У науки цель – добытая истина, новые знания, а у идеологии это проект, который надо реализовать. Там, где начинается идеология, кончается наука.

Здесь возникает ловушка для нашей науки. Если научная работа выдержана в духе соответствия «государственным интересам», то естественно, что государство ее поощряет, необязательно в финансовом плане – здесь и экран, и публикации, гранты. А если она не отвечает установленной идеологии, значит, такая точка зрения не получа-

ет аудиторию. Мы уже имели подобный опыт. В 30-е годы XX века в Советском Союзе появилась научная идеология, как только соединили науку и идеологию. В связи с этим возникает вопрос, не уходим ли мы сегодня в сторону политической лженауки в том смысле, что продолжаем называть политическую науку наукой, а на самом деле она таковой не является, а является скорее идеологией.

Ильин М.В. Хочу откликнуться на некоторые идеи, прозвучавшие в выступлениях коллег. Универсалии никуда не исчезают. Вопрос заключается в том, как возможно существование универсалий и меняющихся знаний. Видимо, нам необходимо перенести внимание с ускользающего на то, что не ускользает. Универсалия – это то, что не ускользает, что сохраняется, к чему добавляется ускользающее знание.

Квентин Скиннер говорил: идея оригинальности, данное слово возникает в английском языке в конце XVIII века. А Мильтон за сто с лишним лет до этого в первых строках своего «Потерянного рая» пишет, что хочет создать. Это «things, unattempted yet in prose or rhyme», не испытанные еще ни прозой, ни стихами вещи. Вот она, говорит Квентин Скиннер, идея оригинальности, за сто лет, причем она сформулирована как базовый принцип создания целого литературного произведения. То есть идея уже есть, а слова еще нет.

Нужно идти к основам. Когда мы идем к основам, мы как раз вытаскиваем то, что осталось неизменным. Фактически, конечно, изменяется, много раз переделывалось. Я своим студентам привожу пример. Первый, или один из первых социальных или политических институтов – гостеприимство. Два племени встретились и не уничтожили друг друга, использовали гостеприимство. Этот институт и его когнитивная схема многократно воспроизводятся. И сейчас 80 или 90% всех политических институтов – его производные: и гражданство с паспортом, и дипломатический иммунитет, и членство в партии, и всё что хотите. Все эти институты – многократно переделанное гостеприимство. У нас есть универсалия.

Таким образом, если мы будем пытаться реконструировать, то увидим, что просвещение, прогресс не ушли. Они остались в виде глубинных слоев, которые воспроизводятся снова и снова. Шанталь Муфф, еще когда писала с Эрнестом Лакло про дискурс, вроде придумала что-то совершенно новое, убегающее, оригинальное, агонический дискурс. Однако она воспроизводит совершенно нормальное открытие, сделанное Кантом, – антиномии.

В нашем дискурсе всегда сохраняются оппозиции. Отсюда, например, возникает представительное правление, народ может править, народ не может править. Как возможно, чтобы народ не мог править и должен был бы править? Как представительное правление.

Немного скажу про замечательные слова, которые здесь процитированы и неоднократно повторялись: «Политическая наука – дисциплина хотя и гуманитарная, но точная». У каждой науки своя мера точности. Не надо путать разные предприятия и требовать от одного предприятия той меры точности, которая есть у другого. Не надо требовать от фундаментальной науки ответа, кто победит на французских выборах: Макрон или еще кто-то. Это не тот вопрос, который требует серьезного научного предсказания. Тут достаточно краткосрочной прикидки с помощью прикладных аналитических построений. Если задаваться вопросом о том, что произойдет во Франции в течение 30–40 лет, – тогда это другой вопрос, более основательный, более сложный.

Меняются представления людей и их запрос на участие в политике. Если, например, рассмотреть вопрос о популизме, то можно обнаружить следующую картину. Сейчас часто события, происходящие на выборах в странах Западной Европы, трактуются как подъем популизма. При более внимательном анализе становится ясно, что никакого фантастического зверя под названием «популизм» нет, а в самых разных видах проявляются популистские синдромы.

Например, в Восточной Германии перед падением Берлинской стены люди вышли на улицу и сказали: «Wir sind das Volk» («Мы – народ»). И всё рухнуло, потому что большая часть людей сказала: «Мы – народ». Сейчас «Альтернатива для Германии» выходит и говорит: «Wir sind das Volk». Они помнят, что им говорили папы с мамами и что они сами говорили. Они думали, что всё будет другое, ничего не изменилось. Выстроили партийные системы, создали парламенты и другие институты, а народ не слышат. Если мы так проанализируем подъем популизма, тогда станет ясно, что есть тренд, который не замечается и в рамках которого политики принимают совершенно контрпродуктивные решения.

Я могу привести другой пример – референдумы о независимости в различных регионах. Для его адекватного понимания следует учитывать, что меняется ожидание людей относительно того,

как должна быть организована их жизнь, как они должны быть услышаны. Не реальность меняется, меняются очки людей на улице, избирателей. А мы и наши коллеги поменять очки не спешим. Отсюда и кризис.

Возвращаясь к актуальности Канта и к тому, что универсалии были открыты. Еще даже раньше Канта Лейбниц в маленькой книжке описывает, что происходит в Священной Римской империи: имперство, или цезарство, между князьями распределено. Это не какой-то сбой, это нормальное явление многоярусного суверенитета. Он, конечно, не употребляет словосочетание «многоярусный суверенитет», но показывает, что происходит циркуляция суверенных полномочий – нормальная ситуация в Священной Римской империи в XVII–XVIII вв. В контексте нынешних тенденций и проблем развития Европейского союза эти идеи очень актуальны. Не обязательно нам сейчас ждать, чтобы новый Лейбниц появился в Германии, может, кто-нибудь из наших исследователей поработает над идеей многоярусного суверенитета. Каждый должен своим делом заниматься. Политолог должен заниматься не написанием прожекта для Юнкера и прочих, а описанием и анализом того, как может существовать многоярусный суверенитет. Это может быть очень актуально и для России.